

18+

Наталья Червяковская

Кофейнная мистерия

Наталья Червяковская

Кофейная мистерия.
Современная проза и поэзия

«Издательские решения»

Червяковская Н.

Кофейная мистерия. Современная проза и поэзия /
Н. Червяковская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675656-4

Чашка кофе, чёрная и влекущая, словно чернильное зеркало, являет призрачные видения — мимолётные отблески души, ускользающие за дымчатую завесу. Помните: судьба — не высеченная в камне истина, а податливая глина в руках ваятеля. Каждое решение — изящный мазок кисти, неуловимо рисует ваш жизненный пейзаж. Не страшитесь заглянуть в кофейную гущу, в её таинственную глубину — страшитесь закрыть глаза на едва уловимый шёпот интуиции, заглушить тихий, но настойчивый голос сердца.

ISBN 978-5-00-675656-4

© Червяковская Н.
© Издательские решения

Содержание

Кофейная мистерия	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кофейная мистерия Современная проза и поэзия

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2025

ISBN 978-5-0067-5656-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кофейная мистерия

Кофейная мистерия, дуэт фарфора нежный,
Душа и чашка – танец призрачно-жемчужный.
Кофейный шёпот, мотив неведомый плывёт,
В рассветной дымке голос колдовской поёт.

«Кофе мне нужен, как воздух бездонный,
Вкус горький, страстный, как ветер влюблённый.
Кофе мне нужен, как свет в кромешной мгле,
Чашка фарфора – целая вселенная во мне».

Всё началось внезапно: кофе в дом явился,
Как кот чёрный, неслышно в двери влился.
Аромат и горечь, вкус манящий, колдовской зов,
И гуща кофейная шепчет тайны грёз и снов.

Картины на донышке рождаются несмело, не разгадать,
Узоры в прятки играют, ускользает мысль опять.
Клубки кот чёрный катает, в лапках тают невесомо,
Аметистов отблеск, и фарфор вздыхает терпко, неугомонно.

Застывший миг в кофейной бездне – портал в страну грёз,
Где Время шепчет саги древние под сенью утренних берёз.
В фарфоре отражается вселенная, мерцает звёздный рой,
И кофе – проводник мой верный в мир тайн, где правит лишь покой.

Кофейная гуща – зеркало души, темна, как глубь морей,
В ней отражаются надежды и грехи, близкие, но всё ж чужие.
Чёрный кот мурлычет тихо, сокровенное храня,
И чашка фарфора вторит ей игриво, ветры перемен дразня.

Вкус кофе – это память о лете, о солнце на лугах,
В нём горечь расставаний и радость в дивных снах, мечтах.
Он как бальзам на раны сердца, лечит и согревает,
И в танце с ним забыться хочется, прошлое отпуская, прощая.

Я пью свой кофе медленно, блаженствуя каждым глотком,
Вдыхая аромат волшебный, опьяняющий, как шёпот богов.
И в этот миг я ощущаю себя частью мироздания,
Единым целым с кофе, с котом, с фарфором – без желаний, без ожиданий.

Нередко можно услышать известное выражение о том, что глаза – это зеркало души. По моему мнению, смысл этой фразы открывается не каждому. Взгляд, проникающий в самую суть, глаза, образ которых навсегда запечатлелся в памяти.

Эта история произошла в один из холодных дней декабря, когда утро уже клонилося к полудню.

Этот день стал поворотным моментом в их судьбах.

Их знакомство началось весьма обычно – в социальных сетях.

У неё не было возможности тратить время на пустые разговоры и долгие бессмысленные переписки. Она стремилась к настоящим чувствам, к живому общению, а не к бездушному собеседнику, скрывающемуся по ту сторону экрана.

Однако его профиль чем-то зацепил её взгляд. Может быть, искренней улыбкой на фотографии или, возможно, парой строчек в разделе «О себе», где он писал о любви к чтению и прогулкам по зимнему лесу. Что-то в нём было такое, что выбивалось из общего потока однообразных анкет. Она отправила короткое сообщение, простое «Привет», и закрыла ноутбук, стараясь не строить никаких ожиданий.

Ответ пришел почти мгновенно. Завязалась лёгкая, непринуждённая переписка. Он оказался интересным собеседником, с чувством юмора и глубоким пониманием многих вещей. Они говорили о книгах, о музыке, о мечтах и разочарованиях. С каждым новым сообщением она чувствовала, что между ними возникает какая-то невидимая связь, что-то большее, чем просто виртуальное общение.

Спустя несколько дней он предложил встретиться. Она колебалась. С одной стороны, ей очень хотелось увидеть его вживую, услышать его голос, почувствовать его присутствие. С другой стороны, она боялась разочароваться, боялась, что реальность окажется совсем не такой, какой она её себе представляла. Но любопытство и надежда пересилили страх. Она согласилась.

Местом встречи он выбрал небольшую кофейню в центре города. Она пришла немного раньше назначенного времени и села за столик у окна, нервно поглядывая на прохожих. Наконец, она увидела его. Он был именно таким, каким она его себе представляла. С той же искренней улыбкой на лице и взглядом, в котором читалась доброта.

Встреча прошла как во сне. Они говорили обо всем на свете, смеялись, шутили. Время пролетело незаметно. Когда пришло время прощаться, она почувствовала лёгкую грусть. Ей не хотелось, чтобы этот вечер заканчивался.

После этой встречи они стали видеться регулярно. Гуляли по городу, ходили в кино, посещали выставки. С каждым днём их чувства становились всё сильнее и сильнее. Она поняла, что влюбилась. Влюбилась в его ум, в его доброту, в его чувство юмора. В его глаза, в которых она видела отражение своей души.

Он тоже был влюблён. Он признался ей в этом однажды вечером, когда они гуляли по заснеженному парку. Его слова были простыми, но искренними. Они звучали как музыка, как самая прекрасная мелодия, которую она когда-либо слышала.

С того дня они стали неразлучны. Они были счастливы вместе. Казалось, что они нашли друг друга, чтобы никогда больше не расставаться. Их история только начиналась, и они верили, что впереди их ждёт долгая и счастливая жизнь. Их глаза, встретившись однажды в виртуальном пространстве, нашли друг друга в реальном мире и стали зеркалом их общей души.

Всё было совсем не так, какое кафе? Они просто сняли на сутки квартиру. Да, квартиру, чужую. Довольно уютную. Но чужую, как и они сами. Это были два абсолютно чужих человека, которым в жизни не хватало чего-то такого. Может, им просто не хватало хорошего секса без всяких правил, без всяких рамок. Они будут вместе только несколько часов, а потом растворятся в городе, в многолюдной толпе прохожих.

За окном шумел вечерний город, отблески фар скользили по потолку, создавая причудливые тени. В квартире пахло чем-то нейтральным, каким-то универсальным моющим средством, которое, казалось, должно было скрыть следы прежних постояльцев. Она подошла

к окну, нервно теребя край тонкого вафельного халата, предоставленного хозяевами. Он стоял позади, наблюдая за ней с каким-то изучающим, почти научным интересом.

Тишина становилась почти осязаемой, давила на плечи, заставляя учащённо биться сердце. Каждый из них чувствовал неловкость, осознавая всю абсурдность ситуации. Они встретились в интернете, на сайте знакомств, где люди ищут не столько любовь, сколько кратковременное облегчение от одиночества. И вот они здесь, в чужой квартире, готовые разыграть спектакль, финал которого был заранее известен.

Он откашлялся, нарушив тишину, и предложил выпить вина. Она кивнула, не поворачиваясь. Он налил два бокала красного, протянул один ей. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, вызвав лёгкий разряд. Она сделала глоток, почувствовав терпкий вкус на языке. Вино немного приглушило внутреннее напряжение.

Они начали говорить. О работе, о погоде, ни о чём. Разговор был вялым и натянутым, как струна. Каждый старался избежать взгляда другого, боялся увидеть в нём отражение собственных страхов и желаний. Но постепенно под воздействием вина и общей обстановки напряжение стало спадать.

Она рассказала о своей нелюбимой работе, о несбывшихся мечтах, о тоске по настоящей любви. Он – о разочарованиях в отношениях, о чувстве пустоты, которое преследовало его последние годы. Они говорили о своих ранах, о своей боли и в какой-то момент почувствовали, что между ними возникает что-то похожее на близость.

Затем была музыка, тихая и расслабляющая. Он пригласил её на танец. Она сначала колебалась, но потом согласилась. Они танцевали медленно, почти не касаясь друг друга. Но каждый чувствовал тепло другого тела, его дыхание, его присутствие. В этот момент им казалось, что они не чужие люди, а давние знакомые, которых судьба свела вместе, чтобы залечить их раны.

Потом была ночь, полная страсти и нежности. Они забыли обо всём на свете, отдав себя во власть чувств. Они искали друг в друге спасение от одиночества, утешение от боли. Они были вместе здесь и сейчас, и это было единственное, что имело значение.

Но утро всегда наступает. И вместе с ним приходит осознание реальности. Они проснулись в одной постели, чужие друг другу, как и прежде. Он смотрел на неё с какой-то грустью, она отворачивалась, стараясь скрыть смущение. Они понимали, что это была всего лишь игра, мимолётное увлечение, которое закончилось так же внезапно, как и началось.

Они выпили кофе, молча, избегая взгляда друг друга. Потом он вызвал такси. Она проводила его до двери. Он обернулся, посмотрел на неё в последний раз и сказал: «Спасибо». Она кивнула, закрыла дверь и осталась одна в чужой квартире.

Она села на диван и заплакала. Не от разочарования, а от осознания того, что ей снова придётся вернуться в свою прежнюю жизнь, в свою пустоту. Она знала, что больше никогда не увидит его. Они были просто двумя чужими людьми, которые встретились на одну ночь, чтобы хоть ненадолго забыть о своём одиночестве. И теперь каждый из них должен был идти своей дорогой, дальше, в город, в многолюдную толпу прохожих. Раствориться в ней, как будто ничего и не было.

Она поднялась, чувствуя себя опустошённой, словно из неё выкачали всю энергию. В квартире стоял запах сигарет и дешёвого кофе, смешанный с тем самым универсальным моющим средством. Она открыла окно, впуская свежий утренний воздух. Город просыпался, наполняясь шумом машин и голосами прохожих. Жизнь продолжалась, несмотря ни на что.

Она поплелась в душ, смывая с себя следы чужого тепла. Вода была обжигающе горячей, но ей казалось, что только так она сможет согреться изнутри. Она долго стояла под струями, закрыв глаза, пытаясь отвлечься от навязчивых мыслей. Но в голове снова и снова всплывали обрывки ночного разговора, его прикосновения, его взгляд. Она понимала, что это была всего лишь иллюзия, мираж, который исчез с первыми лучами солнца.

Выйдя из душа, она оделась и собрала вещи. Перед тем как уйти, она окинула взглядом квартиру. Чужое место, чужие вещи, чужая жизнь. И она чужая в этом мире. Она оставила ключи на столе, закрыла дверь и вышла на улицу, сливаясь с толпой. Она шла не зная куда, просто шла вперёд, надеясь найти что-то, что сможет заполнить её пустоту. Но в глубине души она понимала, что это будет очень сложно.

Солнце слепило глаза, отражаясь от витрин магазинов и крыш автомобилей. Она натянула капюшон, пытаясь хоть немного укрыться от назойливого света. В кармане завибрировал телефон. Не глядя, она сбросила вызов. Ей не хотелось ни с кем разговаривать, объяснять, оправдываться. Ей нужно было время, чтобы прийти в себя, собраться с мыслями.

Она зашла в небольшую кофейню, расположенную в тихом переулке. Заказала крепкий кофе и села у окна, наблюдая за прохожими. Каждая жизнь – отдельная история со своими радостями и печалью. И она – всего лишь один эпизод в этом бесконечном сериале. Но разве эпизоды не важны? Разве они не формируют общую картину?

Кофе обжёг горло, возвращая к реальности. Она достала блокнот и ручку, которые всегда носила с собой. Писать – это был её способ разобраться в себе, выпустить наружу всё то, что накопилось внутри. Она начала записывать свои мысли, чувства, ощущения. Слова лились сами собой, образуя причудливые узоры. Она писала о боли, о разочаровании, о надежде. И в каждом слове чувствовалась тоска по чему-то настоящему, искреннему, неподдельному.

Закончив писать, она почувствовала небольшое облегчение. Слова, словно птицы, вырвались на свободу, оставив после себя пустоту, которую теперь нужно было чем-то заполнить.

«При чём здесь глаза?» – вы скажете. А нет никаких глаз, которые смотрят нам в душу. Есть только здравый смысл. И немного времени для секса, больше ничего нет в этом мире. И циники, которым не дано познать любовь. Что такое любовь? Нет её, только отношения, денежные отношения. И презрение друг к другу. Ведь она не нужна ему, как, впрочем, и он не нужен ей.

Но эта пустота, зияющая между ними, не всегда была такой очевидной. Когда-то, в самом начале, были искры. Искры желания, любопытства, возможно, даже надежды. Они танцевали в полумраке, пытаясь разглядеть друг в друге то, чего не видели в себе. Он видел в ней отголоски свободы, независимости, силы, которой ему самому не хватало. Она находила в нём стабильность, уверенность, кажущуюся опору в бушующем океане жизни.

Со временем искры угасли, погребённые под слоем быта, взаимных претензий и невысказанных обид. Слова, когда-то наполненные нежностью, превратились в острые осколки, ранящие при каждом неосторожном движении. Секс, лишённый страсти, стал лишь способом снять напряжение, кратким забытием в череде серых будней.

И вот, они стоят друг напротив друга, как два обломка кораблекрушения, дрейфующие в ледяном море равнодушия. Глаза больше не ищут друг друга, а отворачиваются, полные усталости и разочарования. Они больше не верят в любовь, считая её лишь красивой сказкой, придуманной для слабых духом. Они циники, да, но циники, которые когда-то мечтали о большем. Циники, которые потеряли что-то важное на пути и теперь не знают, как это вернуть. И в этой циничной пустоте между ними всё ещё тлеет слабый уголёк несбывшейся надежды, уголёк, который однажды может разгореться вновь или окончательно превратиться в пепел. Вопрос лишь в том, хватит ли у них смелости попытаться.

Не надо никаких «попытаться». Надо жить для себя. И всё в этой жизни делать только для себя одной. А зачем кого-то любить, если мы не умеем любить себя? Мы всегда драматизируем, что нас не любят. Что у нас не получается с кем-либо построить эту любовь. Как нас может полюбить чужой человек, чужое существо, если мы сами не умеем себя любить?

Но что же значит любить себя? Это не эгоизм, не нарциссизм, не самолюбование перед зеркалом. Это принятие себя целиком и полностью, со всеми достоинствами и недостатками, со всеми шрамами прошлого и страхами будущего. Это умение прощать себе ошибки, учиться

на них и двигаться дальше. Это забота о своём физическом и ментальном здоровье, это удовлетворение своих потребностей и желаний, это умение говорить «нет» тому, что нам не подходит.

Любовь к себе – это фундамент, на котором строятся наша уверенность, наше самоуважение, наша способность дарить и принимать любовь от других. Когда мы любим себя, мы перестаём искать одобрение вовне, мы перестаём зависеть от чужого мнения. Мы становимся самодостаточными, сильными и независимыми.

И только полюбив себя, мы сможем по-настоящему полюбить другого человека, без страха потери, без ожидания чего-то взамен. Только тогда наши отношения будут здоровыми и гармоничными, основанными на взаимном уважении и поддержке. Поэтому, прежде чем искать любовь вовне, найдите её внутри себя. И тогда вся ваша жизнь наполнится светом и счастьем.

Опять всё не так. Зачем тебе кто-то, когда ты полюбила себя? За всё полюбила. Приняла, поняла себя. Построила фундамент, основу. Зачем тебе впускать ещё кого-то? А он сто процентов не любит себя. Ему надо, чтобы любили его. Кто ты такой? Слабак. Строй свой фундамент. Люби себя для начала, мне не нужна эта сопливая лирика. Мне не нужны эти эмоциональные качели. Мне не нужен ты. Я не желаю делиться своей энергией с тобой. Зачем мне твои проблемы, которые ты будешь лить в мою ледяную энергию?

И вот стоишь ты, подобно неприступной крепости, воздвигнутой из камней самодостаточности и обитой сталью самолюбия. Каждый кирпичик – это осознанное решение, каждое укрепление – преодоленная слабость. Ты – архитектор своего внутреннего мира, и творение это внушает трепет и уважение. Зачем же рисковать этой монументальностью, впуская в святая святых случайного путника, блуждающего в потёмках собственной неуверенности?

Ведь что он принесёт с собой, кроме бремени своих неразрешённых конфликтов, жажды признания и вечного голода по подтверждению собственной значимости? Он будет требовать внимания, тепла, энергии, словно паразит, истощающий жизненные силы своего донора. Он будет искать отражение в твоих глазах, забывая, что зеркало существует для того, чтобы видеть себя, а не другого.

И когда ты, устав от его нескончаемых требований, попытаешься отстраниться, он обвинит тебя в эгоизме, в бесчувственности, в неспособности любить. Он скажет, что ты холодна как лёд, и в этих словах будет доля правды, ведь твой лёд – это броня, защищающая от его ядовитых стрел.

Но разве ты не заслуживаешь покоя? Разве ты обязана быть спасательным кругом для утопающего, который даже не попытался научиться плавать? Разве твоя энергия – это не бесценный ресурс, который следует направлять на созидание, а не на поддержку чужой рухнувшей самооценки?

Так пусть же он ищет своё счастье в другом месте. Пусть строит свой собственный фундамент, пусть учится любить себя, пусть перестанет быть паразитом и станет творцом. А ты оставайся неприступной крепостью, сильной, независимой и самодостаточной. Ты – свой собственный мир, и в этом мире тебе достаточно себя.

И вот, стоя на вершине своей крепости, ты смотришь на мир с высоты птичьего полёта. Видишь суету городов, метания людей в поисках любви и признания, и чувствуешь лёгкое презрение к этой бессмысленной гонке. Ты свободна от этих оков, ты сама себе хозяйка, сама себе цель.

И пусть говорят, что одиночество – это удел слабых, что счастье возможно лишь в паре. Ты знаешь правду. Одиночество – это сила, это возможность слышать себя, понимать себя, любить себя. А счастье – это не пункт назначения, а состояние души, которое не зависит от внешних обстоятельств.

Ты можешь наслаждаться каждым моментом своей жизни, не оглядываясь на кого-то, не подстраиваясь под чьи-то ожидания. Ты можешь творить, мечтать, путешествовать, учиться,

развиваться – делать всё, что приносит тебе удовольствие. И в этом нет эгоизма, а есть лишь осознание своей ценности, своей уникальности.

И если однажды на горизонте появится человек, достойный разделить с тобой эту крепость, человек, который не будет тянуть тебя вниз, а наоборот, вдохновлять и поддерживать, тогда ты откроешь ему свои ворота. Но только тогда, когда будешь уверена, что он пришёл не за теплом, а за силой. Не за любовью, а за равенством.

Ведь крепость души – это не просто стены и башни, это хранилище опыта, боли и мудрости, накопленных годами странствий и сражений. Это место, где выкована твоя истинная сущность, где закалился характер в огне испытаний. И ты не можешь просто так отдать ключи от этого сокровищницы первому встречному, очарованному блеском твоих достижений.

Слишком много раз ты видела, как непрошенные гости пытались разграбить твою крепость, унести с собой ценности, вытоптать святыни. Они приходили с обещаниями и комплиментами, но их истинная цель была – использовать тебя в своих целях, прикрыть свои слабости твоей силой. Они искали в тебе не союзника, а опору, не партнёра, а служанку.

И ты научилась различать их по взгляду, по жестам, по малейшим колебаниям голоса. Ты стала экспертом в распознавании лжи и лицемерия, научилась чувствовать фальшь за версту. Твоя интуиция стала твоим лучшим оружием, твоим верным стражем.

Поэтому ты будешь ждать. Ждать того, кто увидит в тебе не только крепость, но и человека, способного любить, мечтать и чувствовать. Того, кто не будет стремиться изменить тебя, а примет тебя такой, какая ты есть, со всеми достоинствами и недостатками. Того, кто будет готов строить свою собственную крепость рядом с твоей, образуя нерушимый союз двух сильных и независимых личностей.

И когда этот человек появится, ты узнаешь его сразу. Ты почувствуешь родство душ, невидимую связь, которая соединит вас навсегда. И тогда ты без колебаний откроешь ему ворота своей крепости, уверенный, что он пришёл не за теплом, а за силой. Не за любовью, а за равенством. И вместе вы сможете создать мир, о котором всегда мечтали.

Несколько дней Майя погружалась в страницы книги известного психолога, но минувшая ночь оставила тягучий осадок: чужие эмоции, липкий след чужого присутствия, запах незнакомой квартиры и едкий аромат чистящих средств – всё это клубилось в голове, не давая покоя. Закрыв блокнот, оставив свои размышления незавершёнными, она почувствовала острую необходимость вернуться домой. Смыть, стереть с себя всё это наваждение. Она поднялась, расплатилась и вышла из кофейни, вдохнув полной грудью свежий воздух. Город жил своей жизнью, и она тоже должна была жить. Идти вперёд, несмотря ни на что. Возможно, где-то там, впереди, её ждёт что-то хорошее. Возможно. Майя растворилась в дымке зимнего города. До дома оставалось всего несколько остановок, и она решила пройтись пешком. Как давно она не позволяла себе такой роскоши – просто идти, дышать воздухом! Всего тридцать два, а молодость, казалось, утекла сквозь пальцы в рутине рабочих будней. Город уже примерял на себя предновогодний наряд: ещё три недели – и сказка постучится в двери. Или не постучится... Майя давно перестала в них верить. Но именно сегодня ей захотелось разбудить в себе дремлющего внутреннего ребёнка. Психолог настойчиво твердил об этом из главы в главу. «Почему бы и нет?» – подумала она. За этими мыслями Майя не заметила, как оказалась у своего дома. Восьмой этаж, квартира номер тридцать три... «Стоп, с ума сойти! После Нового года и мне будет столько же лет... Интересно», – пробормотала она вслух. Отказавшись от лифта, она решила подняться пешком по лестнице. Это утро не задалось, да и ночь не принесла облегчения. В последнее время вообще мало что радовало. Депрессия? Едва ли. Она слишком много работала, чтобы позволить себе такую слабость. Скорее просто взросление. До Нового года осталось совсем немного, и ей непременно нужно разбудить этого своего внутреннего ребёнка, чтобы встретить новый этап зрелой и счастливой. «Здорово», – снова вслух произнесла Майя, открывая дверь своей квартиры.

Квартира встретила Майю тишиной, густой, как бархат, и сонным полумраком. Хотелось содрать с себя чужую, липкую энергию ночи, как въедливый грим, смыть её обжигающим душем. Она направилась в ванную, пустила воду и, освободившись от платья, ощутила, как первые капли, словно россыпь хрустальных молоточков, обрушиваются на кожу, унося с собой осколки чужого мира. Майя долго стояла под горячими струями, пока не почувствовала, как возвращается к себе, в кокон собственной тишины и покоя.

Закутавшись в мягкий, словно облако, халат, Майя прошла на кухню. Там уже властвовал густой, бодрящий аромат кофе. Видимо, сработал предусмотрительный таймер. Майя улыбнулась: даже бездушная техника проявляла трогательную заботу. Она прошла в гостиную, одним движением распахнула шторы, впуская в комнату бледный, акварельный зимний свет. Город за окном казался застывшим, серым и безжизненным, но вдали, над зубчатыми крышами домов, уже пробивались розоватые лучи солнца, словно румянец на щеках спящего великана.

Майя вернулась на кухню, налила себе чашку дымящегося кофе и села у окна. Горячий напиток растекался теплом по венам, возвращая к жизни. Она смотрела на проснувшийся город и думала о том, как много ещё не изведано, не прожито. Сколько не прочитано книг, не увидено далёких стран, не сказано самых важных слов. В памяти всплыли слова психолога о внутреннем ребёнке, и на губах появилась лёгкая, задумчивая улыбка. Может быть, стоит начать с малого? С чего-то простого и радостного, как первый луч солнца?

Внезапный звонок разорвал тишину. Майя, словно очнувшись от забытья, потянулась к трубке. Голос в динамике, взволнованный и напористый, обрушился на неё:

– Майя Михайловна, где вы пропадаете? Мы вас ищем вторые сутки! У вас важнейшая встреча сегодня, во второй половине дня. Дома говорят, что не знают, где вас искать. Телефон молчит...

– Успокойтесь, Константин, – устало выдохнула Майя. – Я у себя, на старой квартире. И я помню о встрече.

Хотя, если быть честной, сегодня ей не хотелось никаких встреч, никаких дел, лишь тишины и покоя.

– Я так и думал, что вы там. Уже отправил к вам водителя. Скажите, может, нужно что-нибудь купить?

– Нет, спасибо, Константин. Как только буду готова, спущусь, и мы поедем.

Всё. Свобода, хрупкое одиночество окончены. Пора возвращаться в бурлящий поток реальной жизни, с её динамикой и обязательствами. Майя вздохнула и пошла одеваться, готовясь к предстоящей встрече.

Она, как всегда, была безупречна. Точёная фигура, аристократическая внешность, безукоризненная речь – совершенство в каждой детали. Но стоило ей переступить порог своей старой трёхкомнатной квартиры, её личного убежища, где три года искрились счастьем, как маска безупречности спадала. Здесь, в стенах, пропитанных памятью, она вновь становилась собой. Его не стало... её любимого мужа. Но осталось дело отца, бремя, которое она несла с достоинством. Квартира была её раем на земле, местом, где она сбрасывала оковы светской жизни, облачаясь в простую одежду, растворяясь в толпе. В джинсах, джемпере и кроссовках она становилась неузнаваемой, сливаясь с городским пейзажем. И в этой анонимности находила отголоски той, прежней Майи, любимой просто за то, что она есть. Жизнь разделилась на до и после. Работа, как спасение, держала в тонусе, но в моменты слабости её неумолимо тянуло к одиночеству, к тихой скорби по утраченной любви. Впереди ждала деловая встреча. Майя, владелица кофейного бизнеса, часто уезжала в далёкие страны, туда, где рождается её страсть. Ей нравился этот цикл: от первых ростков до обжигающего аромата свежесваренного кофе, который на мгновение согревал её израненную душу.

Водитель ждал у подъезда, привычно открывая дверь машины. Майя скользнула внутрь, и машина плавно тронулась, унося её прочь от тишины старой квартиры, в гущу городских

забот. За окном мелькали знакомые улицы, заснеженные парки, спешащие по своим делам прохожие. Майя откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на предстоящей встрече. Ей предстояло обсудить условия нового контракта с поставщиками из Колумбии, и от исхода переговоров зависело многое.

Константин, правая рука Майи Михайловны, человек, посвящённый почти во все её дела, откинулся на спинку переднего сиденья.

– Константин, закажите мне билеты, пожалуйста. В Колумбию. К курандеро.

Курандеро – дитя причудливого сплетения древней мудрости коренных народов, благочестивых католических молитв и таинственных африканских обрядов, привезённых на латиноамериканскую землю на борту печальных невольничьих кораблей. Само имя, словно эхо прошлого, берёт начало в испанском сугар – «лечить», нарекая целителя врачом душ и тел. Но курандеро – не просто знахарь, ограниченный жёсткими рамками западной науки. Он зрит мир болезней сквозь призму духов, сплетающих нити недуга с потусторонними силами. Его миссия – священный долг, простирающийся далеко за пределы физического исцеления. Он умиротворяет израненные души, исцеляет шрамы межличностных войн, возвращает ускользающую гармонию в разбитые сердца и семьи. Спектр его целительной силы охватывает всё от банальной боли в животе до изгнания коварных духовных недугов, таких как сусто – леденящий душу испуг, оджо – зловещий сглаз и даже нейтрализации смертоносного дыхания черной магии. Она помолчала, глядя в окно на проплывающий мимо город.

– Три дня назад, просматривая списки участников переговоров, я наткнулась на одного сеньора Лара. У него... интересные социальные сети. И семья... Что-то меня зацепило. Богатый плантатор, а в его предках... что-то такое... особенное. Мне нужно познакомиться с его дедушкой и бабушкой, чего бы это ни стоило.

Константин обернулся к Майе Михайловне, удивлённый её словами.

– Вы всегда умеете поставить меня в тупик, Майя Михайловна. Я постараюсь, конечно, но вы же понимаете, это непросто.

Майя бросила на него укоряющий взгляд.

– А ты постарайся, Костя.

Когда она называла его просто Костей, а не Константином, это означало, что никакие аргументы, никакие «нет» не будут услышаны.

– Я подумаю, – пробормотал он.

– Подумайте, Костя.

Майя отвернулась к окну, позволяя мелькающему пейзажу скрасить напряжение. Она знала, что просить Константина о подобном – это как просить луну достать с неба. Но она чувствовала... что-то важное, связанное с этим сеньором Лара. Что-то, что могло помочь ей самой, возможно, даже вернуть часть утраченного. Интуиция редко подводила её, особенно в делах, касающихся кофе. Но на этот раз речь шла о чём-то большем, чем просто о бизнесе. О чём-то глубоко личным.

Встреча прошла как по маслу. Условия контракта были согласованы, стороны остались довольны. Майя, как всегда, была на высоте, покоряя своим профессионализмом и харизмой. Но после подписания документов она почувствовала лишь опустошение. Победа не принесла радости, а лишь подчеркнула пустоту внутри.

Вечером, вернувшись в свою современную безупречную квартиру, Майя вновь ощутила удушающую тишину. Бездушно блестели хромированные поверхности, отражая холодный свет города. Здесь не было и следа той теплоты, которую дарила старая квартира. Здесь была лишь оболочка успеха, за которой скрывалась зияющая рана. Она достала с полки фотографии. Его лицо, улыбающееся, лучистое.словно солнечный зайчик, он согревал её даже с пожелтевшего снимка. Она провела пальцами по стеклу, словно пытаясь коснуться его.

Звонок Константина вырвал её из воспоминаний.

– Майя Михайловна, я тут кое-что разузнал насчёт сеньора Лара... – начал он неуверенно. – У его деда, поговаривают, действительно есть связи с курандеро. Более того, он сам когда-то был учеником известного шамана. Говорят, он может видеть прошлое и будущее...

Майя затаила дыхание.

– Костя, достань мне встречу с ним. Любой ценой.

Константин вздохнул в трубку.

– Я попробую, Майя Михайловна. Но не обещаю. Сеньор Лара очень закрытый человек. И его дед... тоже не горит желанием общаться с посторонними.

Майя была непреклонна.

– Постарайся, Костя. Ты знаешь, как это для меня важно.

Она отключила телефон, чувствуя, как внутри разгорается слабая надежда. Надежда на то, что курандеро сможет помочь ей заглянуть в прошлое, увидеть его снова, хотя бы на мгновение. Надежда на то, что он сможет исцелить её израненную душу и вернуть ей утраченную гармонию.

Несколько дней тянулись мучительно долго. Майя не находила себе места, работа валилась из рук. Она постоянно звонила Константину, требуя новостей. Наконец, в один из вечеров телефон зазвонил.

– Майя Михайловна, у меня есть для вас новость. Сеньор Лара согласился устроить встречу с дедом. Но есть условие... – Константин замолчал, словно не решался произнести остальное.

– Какое условие, Костя? Говори же! – нетерпеливо воскликнула Майя.

– Дед сеньора Лара согласен встретиться с вами, только если вы будете готовы пройти через церемонию очищения. Говорят, это очень тяжело. И не каждый её выдерживает.

В голосе Константина звучала тревога. Майя колебалась лишь мгновение.

– Я согласна, Костя. Организуй всё.

Майя почувствовала прилив адреналина. Церемония очищения... Звучало пугающе, но ничто не могло её остановить. Она была готова на всё, чтобы получить шанс на встречу с человеком, который, возможно, хранил ключ к её прошлому, к её исцелению. В последние годы она жила словно в тумане, преследуемая обрывочными воспоминаниями и необъяснимой тоской. Она отчаянно нуждалась в ответе, в объяснении.

В Колумбию они летели вдвоём: Майя и Константин, полиглот, для которого языки мира звучали как родные мелодии. Перелёт для Майи обернулся пыткой. Бессонница, сотканная из душевного смятения, вихрем терзала её разум, отесняя на периферию рассудок. Константин, словно искусный менестрель, пытался рассеять её тревогу забавными историями, но Майя лишь скользила по ним рассеянной улыбкой, пленённая своими мрачными думами.

Встретил их в Медельине водитель сеньора Лара. Дорога к фазенде, словно змея, вилась горными серпантинами, мимо кофейных плантаций, что изумрудным морем разливались по склонам. С каждым поворотом Майя ощущала, как невидимое напряжение сгущается вокруг, словно воздух, пропитанный дыханием древней магии.

Наконец, фазенда возникла перед ними – старинное колониальное поместье, затерянное в объятиях дикого тропического леса. Их встретил сам сеньор Лара, высокий, с властным ста- ном мужчина, чей пронзительный взгляд, казалось, проникал в самую душу. Он провёл их в просторный внутренний двор, где их уже ждал старик – дед сеньора Лара. На его лице каждая морщина была глубокой бороздой, прочерченной временем, словно карта прожитой жизни, а глаза смотрели в неведомую даль, в глубину веков, видя то, что было сокрыто от глаз простых смертных.

Майя привезла в дар гостеприимному семейству настоящую сокровищницу русских диковинок. Пылающая жар-птица хохломы и небесная лазурь гжели лучились рядом с аристократичной утончённостью фарфора Императорского завода. Кожаные тома, хранящие в себе

эхо веков и рассказы о русской душе, прильнули к нарядным, словно сошедшим со страниц сказок, национальным куклам. И словно солнечные зайчики, пойманные в шёлк, искрились павловопосадские платки, согревая сердце одним своим видом. В преддверии новогоднего волшебства Майя преподнесла им сказочный подарок – авторских кукол, воплотивших любимых героев: румяного Деда Мороза, белокурую Снегурочку и колоритную Бабу-ягу с её избушкой на курьих ножках, будто сошедшую со страниц старинных преданий.

И, словно повинувшись неслышному зову, тихой мелодии, звучавшей где-то в глубине души, Майя, выбирая подарки, решила привезти в дар семье Лара русские травы, целебные коренья и ароматный иван-чай. Судьба привела её к знающему алтайскому травнику, и тот, словно ведомый свыше, в дополнение к травам добавил янтарный душистый мёд. «Там, куда вы поведёте наши травы, непременно понадобится и наш мёд», – промолвил он с тихой мудростью в глазах. Майя не стала спорить, доверяя смутному, но сильному предчувствию. Она верила, что в кружеве жизни нет случайных узоров, что ничто не случается просто так.

Старик внимательно осмотрел дары, его взгляд задержался на травах и мёде. Лёгкая улыбка тронула его губы.

– Благодарю, сеньора Майя. Ваши подношения говорят о вашем сердце. Но истинный дар, который вы можете принести, – это ваша готовность открыть душу.

Вечером того же дня, когда тропическая ночь укутала фазенду, началась церемония очищения. Майю провели в небольшую хижину, увитую лианами, где уже горел костёр, наполняя пространство дымным ароматом трав. Старик-курандеро, облачённый в традиционные одежды, ждал её. Он что-то тихо напевал на непонятном языке, ритмично потряхивая погремушкой. Константин остался снаружи, тревожно прислушиваясь к звукам, доносящимся из хижины.

Церемония была долгой и изнурительной. Курандеро читал молитвы и заклинания, окуривал Майю дымом трав, пел шаманские песни, проникающие в самые глубины её сознания. Он заставлял её говорить о прошлом, о боли, о потерях. С каждым словом, с каждой слезой казалось, что груз, давивший на её душу, немного уменьшается. Майя прошла через катарсис, через очищение огнём и духом. Она кричала, плакала, смеялась, переживая заново самые тяжёлые моменты своей жизни.

Под утро, когда первые лучи солнца проникли сквозь листву, церемония завершилась. Майя вышла из хижины совершенно обессиленная, но умиротворённая. Она чувствовала, что часть её боли ушла, оставив место для надежды. Курандеро ждал её, его взгляд был полон сочувствия и понимания.

– Теперь ты готова увидеть прошлое, сеньора Майя. Но помни: то, что ты увидишь, может изменить тебя навсегда.

Майя кивнула, готовая к любому испытанию. Она знала, что приближается момент истины, момент, когда она сможет, наконец, заглянуть в своё прошлое и найти ответы на мучившие её вопросы. Она верила, что курандеро поможет ей воссоединиться с тем, кого она потеряла, хотя бы на мгновение, чтобы залечить раны и найти в себе силы двигаться дальше.

Константин подбежал к ней, обеспокоенно всматриваясь в её лицо. В нём отражалось пережитое, но в глубине глаз светился новый свет. Она прижалась к нему, и он почувствовал, как её тело дрожит от усталости, но в то же время излучает какую-то внутреннюю силу. Он обнял её крепче, зная, что сейчас ей нужна его поддержка, его присутствие рядом.

В последующие дни курандеро готовился к главному ритуалу – погружению в прошлое. Он собирал травы, готовил амулеты, совершал тайные обряды. Майя наблюдала за ним с доверием, зная, что он делает всё возможное, чтобы помочь ей. Она ощущала, как меняется вокруг неё атмосфера, как воздух наполняется энергией, как мир вокруг становится более живым и осязаемым.

Настал день, когда всё было готово. Майю привели к древнему алтарю, расположенному в глубине леса. Курандеро начал петь, его голос звучал как зов из другого мира. Вокруг алтаря вспыхнули огни, и пространство заполнилось дымом благовоний. Майя закрыла глаза, ощущая, как её сознание покидает тело, уносясь в неведомые дали.

Она оказалась в другом месте, в другом времени. Вокруг неё простирались бескрайние плантации кофе, а вдали виднелся величественный дом – фазенда предков Лара. Она увидела себя маленькой девочкой, бегающей по саду, смеющейся и беззаботной. Затем она увидела его – мужчину, которого любила больше всего на свете. Он стоял, улыбаясь ей, и она побежала к нему, чтобы обнять.

Он был таким, каким она его помнила: сильный, красивый, с добрыми глазами, полными любви. Она бросилась в его объятия, ощущая его тепло, его родной запах. Время остановилось, и они были снова вместе, как будто не было ни боли, ни потерь, ни времени, разделившего их. Они гуляли по зимнему парку, держась за руки, и он рассказывал ей истории, которые она помнила наизусть, но слушала с тем же восторгом, как и тогда. Он показывал ей старые фотографии, где они были вместе, счастливые и влюблённые. Она чувствовала, как её сердце наполняется любовью и теплом, как раны затягиваются, как душа исцеляется.

Но затем видение стало меняться. Вокруг начали сгущаться тени, солнце скрылось за тучами, и в воздухе запахло гарью. Она увидела его в другой обстановке – в тёмной комнате, окружённого незнакомыми людьми. Он был в отчаянии, что-то искал, что-то прятал. Она чувствовала его страх, его боль, его безысходность. Она хотела помочь ему, но не могла ничего сделать, она была лишь наблюдателем, запёртым в чужом воспоминании.

И затем всё исчезло. Она снова оказалась у алтаря, в окружении курандеро и всполохов огня. Она открыла глаза, полные слёз, и посмотрела на курандеро, ища ответы. Он молчал, его лицо было непроницаемым. Он помог ей подняться и отвел её в хижину, где она могла прийти в себя. Константин ждал её, обеспокоенный и взволнованный. Она рассказала ему всё, что видела, всё, что чувствовала.

Он обнял её, не говоря ни слова. Он понимал, что она пережила, что ей нужно время, чтобы всё осознать. Он был рядом, чтобы поддержать её, чтобы помочь ей найти силы двигаться дальше. Майя знала, что увиденное изменило её навсегда. Она увидела не только светлые моменты прошлого, но и тёмные, скрытые уголки. Она увидела его не только любящим и заботливым, но и испуганным и отчаявшимся. Но, несмотря на это, её любовь к нему не уменьшилась. Она поняла, что он был таким же человеком, как и все, со своими слабостями и страхами, но в то же время самым дорогим и любимым человеком в её жизни. Теперь она могла принять его таким, каким он был, со всеми его достоинствами и недостатками. И это давало ей силы жить дальше. Она наконец-то увидела, как он ушёл.

На следующий день благородное семейство Лара давало званый ужин в честь своих компаньонов, прибывших издалека, из холодной и загадочно-прекрасной России. Майя и Константин, одетые в традиционные колумбийские наряды, словно яркие птицы, выделялись среди потомственных кофейных плантаторов, дружных и жизнерадостных. Дом наполнился нереальными ароматами колумбийской кухни, трав и специй, сплетающихся в головокружительный букет.

Майе и Константину представили многочисленных членов семейства Лара. Среди приглашённых гостей особенно выделялась любимая племянница сеньора Лара – Тала-Фелисидад. Константин, обычно сдержанный и невозмутимый, вдруг покраснел, словно юноша, когда ему представили этот нежный, экзотический цветок, чьё имя звучало как «золотое счастье». Майя с удивлением наблюдала за своим помощником, который всегда умел держать себя в руках.

– Костя, всё в порядке? – тихо спросила она, но Константин уже не слышал её, он словно растворился в сиянии Талы-Фелисидад.

Внезапно старый курандеро, глава семейства, произнёс:

– Сеньор Карлос... – Константин в глазах мудрого старца стал Карлосом, а Майя – Кайей, чистой и перерожденной. – Я часто размышлял, как моя внучка, моё сокровище, может превратиться в лёд, подобно вашей кукле Снегурочке, которую вы нам подарили. Теперь я понимаю почему. Ей непременно нужно посетить вашу холодную страну.

Старик замолчал, оставив свои слова висеть в воздухе. Майя с грустью осознала, что теряет своего преданного Константина, своего Костю, и одновременно радовалась за него – экзотическая Тала-Фелисидад, казалось, растопила его ледяное сердце.

Затем дедушка обратился к Кайе:

– В твоей стране в скромной хижине живёт самый дорогой для тебя человек. Она подобна осени, но духом подобна мне... Ты её скоро узнаешь. Ваши пути скоро пересекутся. Ничто не случайно, две реки уже сплелись воедино. Но это уже другая история, путь, пока непостижимый для меня.

Майя почувствовала, как в груди поднимается зыбкая волна тревоги, смешанная с туманным предчувствием. Кто этот человек, далёкий и близкий одновременно, живущий в её родной стране, чья нить судьбы уже коснулась её жизни? Слова курандеро звучали эхом тайны, предостережением, сотканным из теней прошлого. Она перебирала в памяти лица, мелькавшие на жизненном пути, но ни один образ не совпадал с предсказанным мудрецом. Сердце встрепенулось в груди, и прошлое, которое она только начала отпускать, вдруг потянуло назад своими цепкими корнями.

Вечер продолжался, но для Майи время словно застыло в янтаре. Она наблюдала за Константином и Талой-Фелисидад, тонущими в зыбком мареве зарождающегося чувства. Видела, как искрятся их глаза, как трепетны их прикосновения. Она искренне радовалась за Константина, но в глубине души зрело странное, сосущее одиночество. Слова курандеро о другом, предназначенном человеке, словно ядовитый шип, не давали покоя.

Неожиданно Майю захлестнула волна слабости. Голова закружилась, мир померк, заплескался чёрными пятнами перед глазами. Она судорожно оперлась на руку Константина, который тут же встревоженно обернулся к ней.

– Майя Михайловна, что с вами? Вам плохо? – прошептал он, обеспокоенно вглядываясь в её побледневшее лицо.

Майя попыталась выдавить слабую улыбку, чтобы успокоить его, но мышцы не слушались. Она внезапно осознала, что её путешествие еще не окончено, что прошлое не отпустит её так просто, не даст вырваться из своего призрачного плена.

Она знала, что должна вернуться в Россию. Не для того, чтобы искать таинственного незнакомца, предречённого курандеро, а чтобы жить. Жить обновлённой. Новый год уже отгремел, но впереди ещё дразнящий Старый Новый год – искушение спонтанного побега подальше от суеты, в заснеженную зимнюю сказку. Новая, обновлённая Майя-Кайя. Разбираться в хитросплетениях судьбы, копаться в болезненных ранах прошлого больше не было никакого желания. Она просто прислушается к словам мудрого старейшины семейства Лара. За эти короткие дни шумная, жизнерадостная семья Лара стала для неё родными людьми, которых она успела полюбить всем сердцем. Но тоска по родине, по дому разгоралась всё сильнее. Нет, не по старой холодной квартире, а по её дому, по её личному пространству, которое теперь, после долгой разлуки, казалось не ледяным дворцом, а уютным гнёздышком, требующим тепла и заботы. Ему необходимо вдохнуть новую жизнь, добавить ярких красок в унылый интерьер. Её квартира – словно чистый холст, а многочисленные подарки и сувениры от любимых Лара – яркие пятна, призванные раскрасить её дальнейшую жизнь. Она хочет жить здесь и сейчас, наслаждаться каждым мгновением. И больше не нужны ей эти психологи со своими надуманными крепостями и фундаментами. Она хочет цвести, радоваться, чувствовать себя живой и, может быть, даже ощутить радость материнства. Там, в далёкой Колумбии, в ней проснулась настоящая русская девица-красавица, долго дремавшая под пеплом разочарований.

Она взглянула на Константина, сияющего от счастья в обществе Талы-Фелисидад, и поняла, что настало время отпустить его. Он нашёл свою любовь, свою судьбу, и она не должна стоять у него на пути. Она улыбнулась ему искренне и тепло и прошептала:

– Будь счастлив, Костя. Ты заслуживаешь этого.

В её голосе звучала лёгкая грусть, но и твёрдая надежда на то, что впереди её ждёт новое начало, новая, полная жизни глава.

Вернувшись в свою хижину, Майя погрузилась в мысли. Слова курандеро не давали покоя, но она решила не искать судьбу, а позволить ей найти себя. Она просто будет жить, дышать полной грудью и радоваться каждому дню. Она заварила крепкий колумбийский кофе, наслаждаясь его терпким ароматом, и вышла на террасу. Перед ней открывался захватывающий вид на кофейные плантации, утопающие в лучах заходящего солнца. Она закрыла глаза, вдыхая свежий воздух, наполненный запахами земли и трав. В этот момент она почувствовала себя по-настоящему свободной, готовой к новым свершениям.

На следующий день Майя сообщила сеньору Лара о своём решении вернуться в Россию. Он отнёсся к этому с пониманием и грустью, но заверил её, что двери его дома всегда открыты для неё. Он подарил ей красивый амулет, сплетённый из ярких нитей и украшенный перьями экзотических птиц.

– Пусть он оберегает тебя в твоём путешествии и напоминает о нашей дружбе, – сказал он, обнимая её на прощание.

Прощание с Константином было трогательным и немного печальным. Они обнялись, и Майя почувствовала, как его сердце бьётся утешённо.

– Я буду скучать по вам, Майя Михайловна, – прошептал он. – Вы стали для меня больше, чем просто начальник.

Майя улыбнулась и ответила:

– И я буду скучать, Костя. Но я знаю, что ты будешь счастлив здесь, с Талой-Фелисидад.

В день отъезда Майю провожала вся семья Лара. Они окружили её заботой и вниманием, словно родную дочь. Майя была тронута до слёз и чувствовала себя частью этой большой и дружной семьи. Она села в машину, и та медленно тронулась с места, увозя её вдаль от кофейных плантаций, от тропической жары, от новой, но уже такой любимой семьи. Она смотрела в окно, прощаясь с Колумбией, но в её сердце жила надежда на новую жизнь.

Перелёт домой был долгим и утомительным. Майя смотрела в иллюминатор на проплывающие под крылом самолёта облака и думала о том, что её ждёт в России. Она представляла себе заснеженные улицы, уютные кафе, мерцание новогодних огней. Она предвкушала встречу с родными и близкими, с друзьями и знакомыми. Она мечтала о том, как обустроит свою квартиру, как наполнит её теплом и уютом. Она знала, что впереди её ждёт новая жизнь, полная приключений и открытий.

Прилетев в Москву, Майя почувствовала прилив энергии. Она вдохнула морозный воздух, и её щеки порозовели от холода. Она улыбнулась и поняла, что вернулась домой. Она поймала такси и назвала адрес своей квартиры. По дороге она рассматривала заснеженные улицы, украшенные новогодними гирляндами, и чувствовала себя счастливой и умиротворённой. Она знала, что всё будет хорошо.

Вернувшись домой, Майя первым делом заглянула в рабочую почту. Константин успокоил: он лично займётся поиском достойной замены. Хотя в глубине души Майя знала, что заменить его невозможно. Пока же все дела в надёжных руках, и Майе Михайловне не о чем беспокоиться. Не раздумывая, она купила билет в Карелию. Необъяснимо, но именно туда манило её сердце. Забронировав уютный домик, Майя отправилась навстречу старому Новому году.

Карелия встретила Майю морозным поцелуем, усыпала путь под ногами бриллиантовой россыпью снега. Случайный домик оказался не просто кровом, а настоящей зимней сказкой:

печь, мурлыкающая о скором тепле, плоды нежнее перистых облаков и озеро, дремлющее под хрустальным панцирем льда. Тишина стояла звенящая, густая, как смола вековых елей. Майя вдохнула её полной грудью, чувствуя, как морозный воздух изгоняет из души пепельные тени тревог, а разум обретает прозрачность горного хрусталя. Решено предать забвению дела, отпустить на волю мысли о прошлом и будущем, раствориться без остатка в чарующем «здесь и сейчас».

Первый день она посвятила лесу. Под ногами пел хрустальный снег, а солнце, пронзая кружево сосновых ветвей, сеяло по земле серебряную пыль. Майя, опьянённая волшебством зимнего убранства, старалась запечатлеть в объективе ускользающую красоту, отправляя заснеженные приветы родным семье Лара, друзьям. Вечером, вернувшись в уютное гнёздышко, она разожгла печь, впуская в дом живой танец пламени, заварила душистый травяной чай и погрузилась в чтение у окна. Засыпала под умиротворяющую колыбельную потрескивающих поленьев, ощущая себя в коконе безопасности и абсолютной гармонии с собой.

На следующий день любопытство повело Майю дальше, в глубь края. Небольшая прогулка в окрестную деревеньку обернулась встречей с людьми, чьи души светились, как ясное солнце. Они угостили её пышущими жаром пирогами, поделились тайнами старинных обрядов и легендами родной земли. Майя жадно внимала каждому слову, чувствуя, как по венам разливается тепло, как сердце наполняется лучезарной радостью общения.

Майю пригласила в гости Евдокия, статная женщина с красотой, не тронутой временем. От неё исходило столько жизни, что казалось, будто само солнце следовало за ней, озаряя каждый уголок дома и улицы, где она появлялась. Высокая, с мягкой статью, она, без сомнения, в юности пленила не одно сердце. Евдокия... само имя звучало как песня этих мест, словно она и природа – одно целое. Дети её, сын и дочь, давно выпорхнули из гнезда, обзавелись семьями и навещали мать нечасто, но свято помнили о ней. Муж, охотник Василий, несколько лет назад пал жертвой медведя-шатуна. Евдокия тосковала, но жизнь брала своё. Она не знала уныния, трудилась не покладая рук, вела хозяйство с душой. Дом её дышал колоритом: национальная одежда, блюда, песни – всё напоминало о корнях. К тому же Евдокия слыла знахаркой, разбиралась в травах, шептала заговоры и всегда помогала страждущим. Днём она сияла теплом, словно летнее солнце, а ночью преображалась в горделивую, холодную луну. Говорили, будто она умеет разговаривать с лесом и лесными духами, и прозвали её Кетти – Лисица. Часто её видели пропадающей в лесной глуши, на берегу залива, – истинное дитя этих мест. Сколько ей лет, никто не знал наверняка, настолько она была многогранна. Увидев Майю, Евдокия сразу поняла: эта гостья здесь не случайно. Она осторожно завязала разговор. Майя откликнулась, жадно внимая каждому слову. Ей так не хватало простого человеческого тепла, ведь близких друзей у неё никогда не было, родители давно ушли, любимый муж – тоже, и она осталась одна в этом огромном мире. Радовало лишь любимое дело – кофейни и колумбийский кофе. Да ещё Константин, оставшийся в далёкой Колумбии со своей возлюбленной, и огромное семейство Лара, и дедушка-курандеро, когда-то оказавший ей неоценимую помощь. Но глубоко в душе Майя понимала, что спасение в ней самой, в её воле. Никакие психологи не заметят ей этого. Ей нравилось, что после возвращения из Колумбии она стала сентиментальнее, легче на душе, словно камень, годами давивший на сердце, наконец упал. Она словно заново увидела мир. Спящая красавица проснулась, Снегурочка растаяла, обновилась... Внутренний ребёнок проснулся. Она начала себе нравиться, начала любить жизнь и природу с новой силой.

Евдокия заварила чай из таёжных трав, и терпкий аромат, настоящий на солнце и горных ветрах, разлился по избе, словно дыхание самого лета. Долго они сидели, погружённые в тихий разговор о жизни, о причудливой игре судьбы, о горьких потерях и неожиданных обретениях. Майя излила Евдокии душу, не тая ни единой крупички своей истории. Кетти внимала каждому слову, время от времени кивая головой, и казалось, будто мудрость веков, опыт поколений отражались в глубине её глаз. Под конец беседы Евдокия взяла Майю за руку и сказала:

– Не ищи счастья в прошлом, дитя моё. Оно здесь, в настоящем моменте. Отпусти боль, прости обиды, и мир распахнётся перед тобой, заиграет новыми красками. Слушай своё сердце, оно – компас верный, укажет путь, – и, не давая опомниться, предложила: – Поживёшь у меня, голубка. Что ты там одна будешь, в съёмном-то доме? Сейчас попрошу соседей, мигом твои вещи перевезут. Здесь тебе не дам скиснуть!

Евдокия вовсю руководила происходящим, а Майя не противилась, зачарованная этой простой, истинной женщиной, чья сердечность не поддавалась описанию.

– Я сейчас администратору позвоню. Мои вещи уже собраны, словно чувствовала перед поездкой, всё в чемодане. Надо только забрать, – проговорила Майя.

– Сейчас, девонька, мигом всё организуем. Я тебя в баньке напарю, травами напою, обряд пеленания сделаем. Будешь у меня словно бабочка, что прошла все пути перерождения. Дедушка из далёкой страны и Дуся – всё сделаем, чтобы наша Маюшка вновь расцвела, как живая бабонька!

Майя набрала номер Константина, сбросила ему геолокацию и коротко бросила:

– Через неделю включу телефон. Не теряй меня. И огромный привет семейству Лара от меня, а дедушке – от Евдокии.

– Майя Михайловна, какая Евдокия?! – отчаянно кричал Константин в трубку, но Майя уже не слышала его, погрузившись в спасительную тишину, выключив телефон.

Майя и опомниться не успела, как её вещи обрели новый приют в доме Евдокии. Простота и сердечность местных жителей тронули её до глубины души. Соседи с улыбками, словно ангелы-хранители, переносили её чемоданы и скромные пожитки, а Евдокия уже колдовала у печи, создавая кулинарное волшебство.

Евдокия сдержала слово. Баня была натоплена до жара, травы источали пьянящий аромат, а обряд пеленания прошёл как таинство, смывающее с тела и души все тяготы. Майя ощутила себя новорождённой, свободной от груза прошлых лет. После бани Евдокия угостила её травяным чаем с мёдом, настоящим на лунном свете, и уложила спать на перину, взбитую с такой любовью и заботой, словно в колыбель. Сон был глубоким и безмятежным, как лесное озеро в тихий полдень, без кошмаров и тревожных видений.

Дни в доме Евдокии текли неспешно и величаво, словно река, несущая свои воды к морю. Майя помогала по хозяйству, училась доить корову, печь пироги, различать целебные травы. Евдокия рассказывала ей о тайных свойствах растений, о лесных духах, о древних обрядах, передаваемых из поколения в поколение. Майя слушала её, затаив дыхание, впитывая каждое слово, словно драгоценную росу. Она чувствовала, как её душа наполняется мудростью и покоем, как распускается цветок под тёплыми лучами зимнего солнца.

Как-то вечером Майя предложила:

– Дуняша, давай я тебе погадаю на кофе.

Евдокия изумилась такому предложению. Она, дитя природы, конечно, умела заглядывать в будущее, видеть его отражение в воске, свинце. Знала множество обрядов и предостережений. Но гадание на кофе было для неё в новинку.

– Маюшка, а давай, – ответила Евдокия, – вечер длинный, надо же его чем-то скрасить. Я, наверное, уже утомила тебя, дитяtko, своими разговорами.

– Да что ты, бабонька, – возразила Майя, так она ласково называла свою Дуняшу-Лисицу. – Ничуть.

Майя достала из своего чемодана маленькую турку и пачку колумбийского кофе, подаренного сеньором Лара с родовой фазенды, кофе, который было невозможно найти нигде больше. Майя готовилась к кофейной церемонии с трепетом и любовью. Дуняша испытывала какое-то непривычное волнение, чего не случалось с ней уже много лет. Майя взглянула на смущённую Евдокию и сказала:

– Смотри-ка, а в тебе проснулся дремлющий ребёнок!

И они обе разразились звонким, заразительным смехом.

Майя сварила крепкий ароматный кофе, наполнивший избу дивным запахом колумбийских плантаций. Евдокия сделала несколько глотков, наслаждаясь каждой ноткой вкуса, и перевернула чашку на блюдце. Майя сосредоточенно рассматривала кофейную гущу, причудливые узоры, складывающиеся в символы и образы. Она видела дороги, горы, животных, лица людей. Её взгляд становился всё более серьёзным и проницательным.

– Вижу дорогу, Дуняша, дальнюю дорогу, – начала Майя тихо. – Она зовёт тебя, манит к новым землям, к новым встречам. Но не бойся, страха нет в этом путешествии, лишь радость и светлые надежды. Сердце твоё откроется для новой любви, как весенний цветок под первыми лучами солнца. Увидишь человека, давно знакомого, но с новой стороны. Он будет для тебя опорой и поддержкой в трудную минуту.

Майя сделала паузу, пристально глядя в глаза Евдокии.

– Вижу медведя, Дуняша. Но не бойся, это не шатун, это твой Василий. Он оберегает тебя, посылает знаки, помогает тебе жить дальше. Он всегда рядом, в твоём сердце.

Евдокия молчала, потрясённая словами Майи. Она чувствовала, как по коже пробегают мурашки, как душа наполняется теплом и покоем. Она верила в силу природы, в связь с предками, в знаки судьбы. Слова Майи подтверждали то, что она чувствовала интуитивно, то, что жило в глубине её сердца.

– Вижу тебя, Маюшка, – продолжала Евдокия, бережно сжимая ладонь Майи в своей. – Вижу в тебе силу духа, мудрость веков и неземную красоту. Вижу любовь, что уже заглядывает из-за поворота судьбы, словно робкий рассвет. Не бойся довериться своему сердцу, дитя моё, оно – твой верный компас на пути к счастью. Ты словно бабочка, что прошла все тернии перерождения, обрела крылья. Лети, Маюшка, лети навстречу предначертанному! И помни всегда, что здесь, в Карелии, в самом сердце её дикой природы, у тебя есть дом, есть семья, и есть я – твоя пристань.

Две женщины, переплетённые нитями судьбы, нашли друг друга в этой глуши, в карельской деревне, словно осколки одного разбитого зеркала. Искали опору, надежду, крупинцы счастья в суровом, но прекрасном мире. А за окном под покровом мягкого снега мерцала звёздная ночь, полная древних тайн и несбывшихся грез. Идиллию разорвал отчаянный стук в дверь.

– Тётка Евдокия, помогите! – молил мужской голос.

Евдокия вмиг преобразилась, словно на неё накинули прежнюю маску суровости и собранности.

– Что случилось, Николай? – это был сосед, запыхавшийся и испуганный.

– Там... в сторожке лесника, в сторожке твоего Василия... нашли человека. Он весь горит в жару, бредит. Ему нужна помощь... срочно. Снега намело столько, что нам до больницы не добраться, а его надо спасать!

– Где он? – Евдокия уже собиралась с духом.

– Да вон, в санях. Я к снегоходу их прицепил, положил его туда, еле дотащил. К тебе привёз, тётка Евдокия.

– Живо его в комнату! Маняша, ну же, разбери постель моего Василия. Живо! Надо человека спасать.

Майя и Евдокия переглянулись. Предсказание... новая любовь... Неужели так скоро? Майя отбросила сомнения. Сейчас главное – спасти человека. Они быстро организовали переноску больного в дом. Николай помог внести бесчувственное тело, и его бережно уложили на кровать, где когда-то спал Василий. Евдокия осмотрела пострадавшего. Молодой мужчина, лет тридцати, с обветренным лицом и спутанными волосами, был в бреду, метался, бормотал что-то нечленораздельное. Жар был нестерпимый.

Евдокия, не теряя времени, принялась за дело. Она развела целебные травы, сделала отвар и, приподнимая голову больного, влила ему в рот несколько глотков. Затем принялась

обтирать его тело холодной водой, нашептывая заговоры. Майя помогала ей, подавая полотенца, воду, необходимые инструменты. В их движениях чувствовалась слаженность, будто они работали вместе не один год. Николай, с тревогой наблюдая за происходящим, вышел на улицу курить.

Когда сосед скрылся за дверью, Майя заговорила, понизив голос до шёпота:

– Дуняша... я знаю, кто этот человек.

Евдокия посмотрела на неё с удивлением, в её глазах читался немой вопрос.

– Помнишь, я тебе рассказывала одну историю, которая со мной случилась совсем недавно? После того как не стало моего любимого мужа... прошло чуть больше двух лет. С момента его ухода у меня никого не было. Конечно, мне оказывали знаки внимания мужчины, но мне было всё равно. Когда ушёл он, ушла и я вместе с ним. Но я понимала, что мне надо вернуться к жизни... И вот, в один из вечеров в своей старой квартире, когда я была совсем одна... взяла и зарегистрировалась на сайте знакомств и написала ему. Не знаю, почему из тысячи анкет я выбрала именно этого человека... Ну, дальше ты знаешь, что произошло... Знаешь, в тот момент, когда я вернулась домой, ни ванна, ни что не могли убрать, стереть с меня запах той чужой квартиры и запах этого... моющего средства. Мне казалось около недели, что запах этого средства повсюду... он непременно очистит мою душу... Но та ночь... она ничего не изменила внутри. Во мне не живёт женщина... Ну, Дуняша, я, по крайней мере, попыталась... Я понимаю, что случайные связи... точнее, случайная одна-единственная связь после смерти любимого человека... она...

Евдокия перебила её резко:

– Замолчи, Маюшка. Мы с дедушкой колумбийским стараемся не тащить прошлое назад в свою душу и сердце.

Майя вскрикнула, словно от внезапной боли:

– Я бы с радостью, но вот Коля взял и притащил его... в прямом и переносном смысле!

В этот момент сосед неловко зашёл в избу, и две женщины, поймав взгляд друг друга, не смогли сдержать смех, который, словно колокольчик, разнёсся по избе. Сосед смущённо покашлял.

– Ну, если что, зовите, а мне пора домой, а то мои домашние будут волноваться... – и, как ошпаренный, выскочил из избы.

– Давай, Маюшка, всё оставим на потом, а сейчас нам необходимо помочь человеку. Как говоришь, его зовут?

– Фрол Фролыч... как...

– Честно, Дуняша, ну не знаю, как его зовут.

– Нормально, – ответила Дуняша, с лёгкой усмешкой в уголках губ.

Ночь тянулась мучительно долго. Жар у мужчины не спадал, бред становился всё более бессвязным. Евдокия и Майя по очереди дежурили у его постели, смачивая лоб холодной водой, давая пить травяной отвар. К утру состояние больного немного стабилизировалось, он перестал метаться и провалился в глубокий сон. Евдокия, вымотанная бессонной ночью, при- села на лавку, прикрыв глаза. Майя тихонько вышла на улицу, вдохнуть свежего морозного воздуха.

Рассвет окрасил небо в нежные розовые тона. Снег искрился под лучами солнца, словно усыпанный бриллиантами. Майя стояла, любуясь этой красотой, и чувствовала, как постепенно отступает усталость. В душе теплилась надежда, что Фрол поправится. Она вспомнила их короткую встречу. Тогда она не разглядела в нём ничего особенного, но сейчас, глядя на его измученное лицо, чувствовала необъяснимую жалость и какое-то смутное предчувствие.

Вернувшись в дом, Майя застала Евдокию у печи. Она хлопотала, готовя завтрак.

– Как он? – тихо спросила Майя.

– Спит, родимый, – ответила Евдокия. – Пусть набирается сил. А ты что стоишь, словно привидение? Иди-ка, поешь. Я блинов напекла, с мёдом да со сметаной.

Майя послушно села за стол, но аппетита не было. Она смотрела на блины и думала о Фроле, о его судьбе, о странном стечении обстоятельств, приведшем его сюда, в карельскую глушь, в дом Евдокии.

Мужчина очнулся к вечеру. Открыл глаза и растерянно огляделся. Голова гудела, всё тело ломило. Он попытался сесть, но слабая рука бессильно упала на одеяло. В этот момент в комнату вошла Майя.

– Не двигайтесь, – сказала она тихо. – Вам нужен покой.

Фрол с трудом сфокусировал взгляд на её лице.

– Вы... вы... – прохрипел он. – Что я здесь делаю?

– Вы заболели, – ответила Майя. – Вас привезли в дом к Евдокии. Она вас вылечит.

Мужчина попытался вспомнить, что с ним произошло, но в голове была лишь мутная пустота. Он помнил только холод, снег и какой-то туманный, пугающий образ.

– Евдокия? – переспросил Фрол, чувствуя, как по телу разливается не просто тепло, а мягкое, обволакивающее блаженство от травяного настоя, которым его напоила Майя. Щёки словно тронул румянец летнего заката.

– Она здесь, – улыбнулась Майя, и в улыбке этой читалось нечто большее, чем просто приветствие. – Она теперь твоя целительница.

Фрол оглядел комнату, словно прозревая. Детали, прежде скользившие мимо, теперь проступали явственно: старинные иконы в углу, мерцающие в полумраке, словно хранящие вековые тайны; резные наличники на окнах, каждый завиток которых нашёптывал свою историю; пучки сушёных трав, развешанные под потолком, источающие терпкий, умиротворяющий аромат. Комната дышала не просто теплом и уютом, она обнимала, укрывала от внешнего мира, словно живой кокон.

Вдруг дверь приоткрылась с тихим скрипом, и в комнату вошла Евдокия. В её глазах, обычно лучистых и спокойных, плескалась тревога, но поверх неё – забота, словно тихая река, готовящаяся к разливу.

– Ну, здравствуй, Фрол Фролыч, – произнесла Евдокия, присаживаясь на край кровати. Её голос был тёплым и обволакивающим, как парное молоко. – Как себя чувствуешь?

Фрол смотрел на неё с благодарностью, смешанной с робким удивлением.

– Спасибо вам, Евдокия... Я не знаю, что со мной произошло. Помню только, как шёл по лесу, а потом... всё померкло.

Евдокия кивнула, понимающе глядя на него своими мудрыми глазами.

– Ты немного приболел, Фрол Фролыч. Но теперь всё позади. Отдыхай, набирайся сил. А мы с Маюшкой присмотрим за тобой.

Вдруг, вопреки ожиданию, Фрол заговорил другим голосом, словно кто-то чужой вселился в него:

– Евдокия, разрешите представиться. Меня зовут Алексей. И, кажется, Елену Прекрасную зовут Майей? Спасибо вам за всё.

И, словно сорвавшись с цепи, из Алексея хлынул поток слов:

– Три года назад я стоял со своей беременной женой на пешеходном переходе... и вдруг... грузовик. Откуда он взялся, я не знаю. Её и ребёнка не стало в один миг. А я... всего лишь царапины. И все эти годы... только вина. Почему не я оказался на их месте? С того самого дня я не живу, а существую. И эта страница на сайте знакомств... это просто попытка заглушить боль. И эта мимолётная встреча там, в чужой квартире, с этим едким запахом моющего средства... – В тот момент он говорил точно так же, как Майя. – И ещё... когда я был в бреду и увидел девушку, ухаживающую за мной, я подумал, что это сон. Еленка... какое странное имя. И этот Фрол...

Они втроём посмотрели друг на друга, словно в зеркале увидели отражение давно забытых истин. И вдруг заговорила мудрая Евдокия:

– Я вас понимаю, Алексей. Я тоже потеряла своего Василия. Но дети мои выросли, и внуков... вон целый хоровод, аж целых восемь.

– Ничего себе! – вырвалось у Алексея. – Какое счастье!

– Да, вот мечтают поехать все в Москву, посмотреть достопримечательности, но нет никакой возможности.

Тихо, словно боясь нарушить хрупкую тишину, заговорила Майя.

Перед ними была не милая молодая бабонька Маюшка, а Майя Михайловна.

– Дуняша, я живу у тебя второй месяц?

– Сколько? – Евдокия всплеснула руками.

– Я же забыла включить телефон! Бедный Константин, он же, наверное, с ног сбился, разыскивая меня.

– Понятно... – пробормотал про себя Алексей.

– Ничего вам не понятно! – возразила Майя Михайловна, шаря в поисках подзарядки для своего айфона.

И когда телефон наконец ожил, звонок не заставил себя долго ждать. На том конце провода был Константин.

– Майя Михайловна, что происходит? Почему вы вне зоны доступа? Я ещё не вернулся из Колумбии. Документы Талочки уже почти готовы. И мы скоро вдвоём вернёмся. На работе всё хорошо. Я проследил.

– Спасибо, Константин. Передай привет семейству Лара от меня огромный и бабушке.

– Да мы все на ушах! Только один дедушка твердит, что его любимая Кайя скоро прилетит с красивой Лисицей к нему в гости. Мы ничего понять не можем, какая ещё Лисица?

Майя засмеялась и положила трубку.

– Дуняша, у меня есть две квартиры в Москве и дом за городом. Они в полном распоряжении тебя и твоего семейства.

Дуняша покраснела и вышла из комнаты, бормоча:

– Ещё чего удумала... Мы сами...

Майя вернула Евдокию в комнату.

– Милая моя, дорогой мой родной человек, спасибо тебе за всё, что ты сделала для меня за это время. Я заново родилась на свет. Позволь мне помочь тебе.

– Я подумаю, – пробурчала Евдокия.

– Майя Михайловна, может, вы нам с Алексеем сварите вашего фирменного кофе?

– С большим удовольствием, – ответила Майя.

Аромат кофе густо настоялся в избе, сплетаясь с терпким дыханием трав и теплом истопленной печи. Майя, словно жрица у алтаря, колдовала над медной туркой, тихонько выводя старинный мотив. Комнату окутала звенящая тишина, лишь изредка нарушаемая умиротворяющим потрескиванием дров и приглушённым шёпотом ветра за окном. Евдокия исподволь наблюдала за Алексеем, вылавливая в его осунувшемся лице ускользающие черты былой красоты. Сердце ее сжималось от жалости к этому молодому человеку, сломленному горем, как молодое деревце бурей.

Майя внесла поднос, увенчанный дымящимся кофейным облаком и тремя глиняными чашками. Разлила густой, обжигающий аромат, и они втроём, словно сговорившись, погрузились в молчание, вкушая напиток. Кофе был крепок, терпок и бодрящ, словно глоток самой жизни, пробивающийся сквозь толщу отчаяния. Алексей сделал первый глоток, и блаженная истома прикрыла его глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.